

Телефонное право

Небо над Москвой было густо-синим, а далеко-далеко — там, где Ленинский проспект зажевывало горизонтом, — ярко алело от закатного огромного солнца. Под этим волшебным красно-синим колпаком казалось, что вся столица накрыта гигантской НКВДшной фуражкой.

Иванов тихо улыбнулся своим уютным мыслям.

Потом опустил руку в полиэтиленовый пакет и нащупал рукоять "Стечкина", словно елочная игрушка, обернутого в мятые газеты. Поднес к глазам мобильный с пришедшей MMS: с пятидюймового экрана на него упрямо, с вызовом смотрела красивая молодая женщина.

Девять вечера. Сейчас она выходит из метро. До сюда идти восемь минут, если она нигде не задержится по пути. Впрочем, задерживаться ей нигде; жизни у нее никакой нет. И быть не может. А значит...

Иванов кинул еще один взгляд на фото. Синие глаза магнитили, не отпускали. Иванов знал: это линзы. И волосы ненастоящие... Но оторваться от снимка не получалось. С усилием он отвернулся от экрана и уставился на малахольных прохожих сквозь девяностопроцентную тонировку.

Девять ноль две.

Пора.

Он потянул ручку и вынырнул из своего черного маленького лексуса, похожего на космический глайдер. Пакет в левой руке. Стрелять Иванов будет прямо сквозь него. Через минуту подъедет карета "скорой помощи" с особенными номерами. Тело погрузят на носилки, а когда "скорая" прибудет к месту назначения, в ней уже будет пусто.

Женщина с синими глазами исчезнет, словно никогда и не существовала.

Но прежде чем уничтожить ее, он должен задать ей один вопрос.

* * *

— Оправдан! — звонко сказала судья. — И подлежит освобождению в зале суда.

Зал взорвался. Репортеры забубнили в телефоны, мешая и заглушая друг друга, прокурорские васильки разом выцвели, самоуверенные люди в черном, курировавшие процесс от Админки, закурили прямо в зале и тоже взялись за свои увесистые гербовые мобилы.

— Звездочка-десять-решетка! — говорил один другому.

— Да знаю я! — огрызнулся второй и набирал номер.

Опальный олигарх, который все оглашение приговора проразгадывал кроссворды "От тещи", смирившись уже с тем, что следующие десять лет пройдут неотличимо от десяти лет предыдущих, обалдело и подозрительно уставился сквозь толстое стекло на судью, будто в аквариум ему подсыпали регулакса.

Собрав бумаги и выдернув из розетки телефонный шнур, судья заочкала каблучками по разошедшемуся казенному паркету, вклинилась в бующую толпу — и канула, прежде чем люди в черном, получив импульс из своих мобильных, успели ее настичь.

А потом было не до судьбы: надо было что-то делать с оправданным олигархом, который уже несмело складывал из затекших от кроссворда пальцев черчиллевскую Victory.

Конец оперативной съемки. Экран померк.

Генерал щелкнул пультом, обернулся к Иванову и уставился на него внимательно. Глаза у них были одинаковые — полупрозрачные русские с ленинским прищуром, и лица вообще одинаковые тоже — среднестатистические, для маскировки в толпе. Генерал смотрелся в Иванова, как в свое отражение десятилетней давности, — а Иванову хотелось думать, что это он в свое будущее отражение смотрится. Одеты оба были похоже: светло-серые, как Главное здание ФСБ, костюмы, галстуки недорогие, но приличные. Никаких знаков различий, конечно: подполковничьи лычки у Иванова, а у Генерала — его генеральские, были вытатуированы прямо по обнаженной душе.

Есть на Лубянке разные отделы; многие давно уж перешли на хозрасчет и живут — как Есенин жил русской природой — крышеванием всей многоликой экономики нашей Родины, от уличных палаток и металлопроката до газового транзита и наркотрафика. Но есть и те, что до сих пор занимаются служением Родине. Отдел, в котором числился Иванов, был из таких.

- Всех причастных нужно зачистить, — мягко сказал Генерал.
- Всю цепочку? — уточнил Иванов. — Или только сам объект?
- Всех причастных, — повторил Генерал.
- Но вдруг это однократный сбой? Замыкание?
- А если нет? Если это системная ошибка? Или заводской брак? А то и диверсия! Нет, брат Иванов. Тут всю цепочку сверху донизу надо.
- Это ведь новая модель, да? — проявил осведомленность Иванов. — Усовершенствованная?

Генерал печально вздохнул и кивнул утвердительно.

— В том-то и дело. Только вот в чем беда: мы не смогли понять, в чем это усовершенствование заключается. И в процессе ликвидации твоя задача установить: идет ли речь о единичном случае, или же у нас целая линейка бракованная, и теперь всю партию отзывать надо.

Иванов встал.

— Разрешите идти?

— Ступай, — Генерал тоже поднялся, провожая подчиненного. — И учти. Мы эту историю неспроста именно тебе поручаем. Ты у нас ведущий специалист, Иванов. Дело государственной важности. Мне сам Сисадмин в скайп писал. И дал понять, что Президент беспокоится. Ты же понимаешь, это его личная тема... Мы уже готовимся к худшему. Если будем всю партию отзывать, скажут, что проводят судебную реформу с заменой кадрового состава... Но стоит это бешеные миллиарды, даже без учета распилов. В твоих силах это предотвратить, Иванов.

— Так точно, — собранно козырнул Иванов.

— Ну, с богом! — улыбнулся Генерал.

И перекрестился на пейзаж маслом, изображающий Железного Феликса на Лубянской площади — неизбежно стоящим на своей исконной голгофе, еще до вознесения.

* * *

Засекреченный завод "Дукс", упрятанный на улице Правды промеж бастиона Русской Народной Телерадиокомпании и Главного хранилища Центробанка, в советские времена производил велосипеды, пылесосы и истребительную авиацию, а в новую эпоху по конверсии перешел на сдачу помещений подпольным вьетнамским пошивочным мастерским.

Но юркие бессонные вьетнамцы были запущены в святая святых лишь для отвода господских глаз. Сквозь стрекотание швейных машинок через пыльные груды отшитых лжеармани до чуткого уха доносилось еще затухающее биение сердца отечественного приборостроения. За цехами, обеспечивающими Коньковскую одежду ярмарку, прятались тайные проходные в цеха, работающие на Гостехнологии.

Одолеев залы, где тачались дедовским способом джинсы со стразами, актуальные кофточки и сумки "Прада", Иванов оказался у пыльной каптерки с растекшимся по тухлявому стулу рыхлым вихровцем.

Любой шпион тут бы и срезался, принявшись отгадывать давно всеми забытые пароли. Но Иванов знал, как работает пропускная система. Тися-

ча, свернутая пополам, на стол — и покрасневшая от подозрительности вохровская рожа приняла снова язвенный зеленоватый оттенок. Семафор сработал. Путь открыт.

Иванов вошел и огляделся. Тут он раньше бывал — курировал производство. Курировал-курировал, да не выкурировал. Генерал не зря тревожится: именно у его отдела это производство на контроле. Ему теперь и разгребать.

Все образцово и инновационно. Станки, стерильные полы, снежно-белые стены, люди в хирургических халатах снуют взад-вперед, словно поршни, разгоняющие титанический паровоз российских инноваций до каких-то уже совершенно неприличных скоростей.

Сверившись с картой, Иванов шагнул в левый коридор, добрался до нужного кабинета и тихо открыл дверь.

Мастер в аккуратном синем комбинезоне корпел над микросхемами. В воздухе стоял запах горячей канифоли. Лысина интеллигентно отсвечивала в белом сиянии ртутных ламп.

Мягко чмокнул замок и еще нежнее — пистолетный затвор. Мастер испуганно обернулся.

— Знакомы? — спросил Иванов, показывая ему фото на MMS.

Тот закивал, неразборчиво замычал что-то, торопясь и давясь словами.

— И что случилось? — вежливо и спокойно поинтересовался Иванов, упираясь глушителем "Стечкина" мастеру в кадык.

— У нас... У нас все нормально было... ОТК ж прошло... — прохрипел мастер.

— Телевизор смотрите? — покачал головой Иванов.

Мастер побледнел пуще прежнего, попытался проглотить ком в горле, да не смог: ствол кадык не пускал.

— И что в этом нормального? — продолжил Иванов. — Это либо преступная халатность, либо диверсия потенциального противника. Мне надо знать, что именно.

Мастер замотал головой, силясь что-то сказать.

— Я просто собрал... Как всех остальных... Голову даю!

— Ничего не напортачил? — уточнил Иванов строго, чуть ослабляя давление.

— Нудыкьешта... — вырвалось у мастера экспрессивное. — Что там можно напортачить? Кукла надувная сложней устроена! Только...

— Только?.. — насторожился Иванов.

— Во время Т.О. я в ней какой-то модуль новый нашел... Не стал трогать... Решил, что конструктор доставил... С него спрашивайте...

Иванов помолчал, вздохнул почти сочувственно и пожал плечами.

— Хорошо, спросим у конструктора.

Мастер кулем повалился на пол. Иванов придержал его немного, чтобы тот не стукнулся головой, и аккуратно отступил назад, стараясь не перемазать туфли в медленно растекающейся багровой луже.

* * *

Конструктора Иванов дождался в подъезде. Взлетел по ступеням и втиснулся в последний момент в изнасилованный вандалами маленький лифт, прижав очкарика к стенке.

— Михаил Семенович? Я к вам. В гости, — улыбнулся он, распахивая перед ним бабочкины крылья волшебной ксивы.

Хозяйского спаниеля Иванов упрятал в туалет, чтобы тот не мешался.

Пока кипятили чай и грели паяльник, познакомились. Михаил Семенович все крутился и ныл, что наручники запястья натирают, но Иванов ему объяснил, что как интеллигентному человеку ему, конечно, в связи с положением Михаила Семеновича очень сочувственно, но как профессионал он все-таки не должен давать волю эмоциям.

Сначала Михаил Семенович от всего отрекся. Утверждал, что не знает ничего и ничего не понимает. Потом в дело пошел как раз прогрешившийся как следует инструмент, и разговор стал клеиться лучше.

Грантов конструктор от Сороса, Форда, Британского совета или других подразделений ЦРУ вроде как не получал. Советско-спартанский интэрьер утлой холостяцкой двушки в Бутово заставлял верить ему, и Иванов поверил — он вообще от природы был человеком доверчивым, это работа его немного закалила.

Но если не диверсия, то что? Халтура? Поломка?

— Давайте вместе разбираться! — предложил Иванов покрасневшему от натуги конструктору. — Вот схема устройства "КПМ-2010", которым оборудованы все наши суды. Дизайн кастомизируется и выполняется под человека. Шестьдесят процентов продукции завода "Дукс" выглядят, как женщины, сорок — как мужчины.

Это Иванов, конечно, не случайно так издалека начал. Говорить он говорил, а сам пока продолжал работать инструментом. В интересах Михаила Семеновича было поскорее перейти к сути. Покамест конструктор пыхтел, но держался молодцом.

— Устройство простое, — Иванов посмотрел на схему. — Вот тут — ди-намик. Вот это — речевой синтезатор. Напрямую к синтезатору подклю-чен жесткий диск с УПК. В имитации анального отверстия автомата "КПМ" находится стандартное гнездо для телефонного провода. Вот этот модуль, позаимствованный нашей промышленной разведкой в американ-ских куклах BabyBogп, помогает автомату симулировать человеческое по-ведение — моргать, издавать произвольные звуки и срыгивать. Как мы видим, больше в этом чертеже нет ничего интересного, — и он принялся запихивать кульман в рот насморочному Михаилу Семеновичу, позволяя ему немного смочить чертеж слюной и утрамбовывая бумагу глушителем.

— Я ничего не забыл? — для проформы спросил Иванов и сам тут же спохватился: а забыл ведь!

Тот самый загадочный модуль, о котором толковал почивший мастер на "Дуксе".

— Михаил Семенович, — дав конструктору отмычаться, чтобы не пере-бивать его, произнес Иванов. — Вы утверждаете, что не занимались вреди-тельством. Однако вы установили на наш автомат некую подозрительную насадку. Автомат "КМП-2011", который и дал позорный сбой на важней-шем приговоре, был этой насадкой оборудован.

— Не ставил я никаких модулей! — сжевав кусок кульмана, всхлипнул конструктор. — Да, мы вели работы по усовершенствованию "КМП", но...

— Михаил Семенович! — строго нахмурился Иванов. — Раньше все в вашем устройстве было лаконично и прекрасно. Ничего лишнего! По те-лефонному проводу в устройство "Карающий Меч Правосудия" поступал сигнал в тоновом режиме. Звездочка — необходимый срок заключения в цифровом виде — решетка. Вот все, что нужно было набрать куратору процесса. И устройство "КМП" оглашает приговор в соответствии с по-ступившим сигналом. Что еще нужно от судьи в нашей стране? Ваш меха-низм — само совершенство, и усовершенствовать его невозможно! Что за насадку вы встроили в "КМП-2011"?!

Последний вопросительный знак с восклицанием Иванов изобразил паяльником; и, видимо, перестарался. Конструктор захрипел, повалился на пол, запрыгал, как плотва на льду, и уголком губ потек ручеек крови.

Иванов кинулся к нему — рано, рано! — но было поздно. Черт, привык он все-таки в последнее время к крепким хозяйственникам, совсем разу-чился работать с интеллигенцией! Надо было понежней как-то его — воз-можно, психологически...

Конструктор, лежа в крови и рвоте, что-то хрипел.

Иванов нагнулся: вдруг дает признательные показания, курилка?

— Это же... Студент... Студент ей это...

И все.

Помер, подлец.

* * *

Вот она.

Цок, цок, цок. Стучат каблучки.

Непросто ее было найти. Все судьи ходят с чемоданчиками: это они с собой передатчик "Глонасс" носят. Более ранние модели были с такими авоськами в клеточку на колесиках, но спорный дизайн подрывал доверие населения к судебной системе. А потом, благодаря инновациям и внедрению, слава Чубайсу, нанотехнологий, передатчик стал уместаться в обычный дипломат — правда, закрывая его, на нем приходилось чуть попрыгать, как на переполненном чемодане. Ну, да это так, издержки...

А вот эта пропала с радаров — выбросила свой чемоданчик. Еще один странный поступок!

Еле выследили, используя агентурную сеть приподъездных бабок, унаследованную еще от НКВД.

Куда же она идет? Что тут забыла?

Иванов огляделся по сторонам и кошачьей походкой последовал за синеглазой судьей. Штопаная пятиэтажка, третий подъезд. Нет, BabyBorn'ов этому не учат... А ну как, похолодел Иванов, этот чертов модуль ей М16 вшило? С них станется, после камней-шпионов... И вот она сейчас прет сюда на радиоуправлении?

А?!

Точно!

Вот все и стало на свои места. И сейчас он раскроет конспиративную малину британских коллег. Тут, конечно, медаль светит, за заслуги перед Родиной...

Иванов перещелкнул предохранитель на "Стечкине", из-за угла подсмотрел, в какую квартиру звонит синеглазая, и сразу, не давая опомниться открывшему ей, с разбега ударил в замок ногой. Дверь распахнулась, Иванов ураганом влетел внутрь...

Свет вспыхнул и погас, звякнуло что-то, обожгло, и взорвалась голова.

Иванов ошалело потряс ей, слепо поводя стволом влево и вправо...

— Беги! Беги! Я прикрою тебя! — чей-то полудетский тенорок.

Иванов выстрелил, ничего не видя, в голос.

Кто-то ахнул, и тенорок умолк. Потом послышался шепот, тихий, усталый:

— Умоляю тебя... Беги...

Цок, цок, цок... Закрылась дверь.

Вдруг стало светлей: зрение возвращалось. Иванов вдохнул глубоко, зажмурил глаза и открыл снова.

Он почему-то сидел на полу в крошечной голодранской прихожей с трюмо из ДСП и полосатыми тошнотненькими обоями. Рядом, прикрывая дыру в животе, сидел рыжий прыщавый мальчишка — еще и двадцати нет. Через дверной проем видна комната: с потолка на лесках свисают клееные авиамodelьки. На полу валяется сковорода, рядом — остатки недожаренной глазуньи. Ага, вот чем его оприходовали...

— Вы за ней... Или за мной? — прошелестел мальчишка.

— За тобой, — соврал Иванов.

Взбунтовавшуюся КМП они найдут еще... А парень, видно, что-то знает.

— Хорошо, — тихо сказал рыжий.

— Рассказывай, — приказал Иванов. — Что ты сделал с этим механизмом?

— Сам ты механизм! — крикнул мальчишка и тут же ойкнул, сморщившись от боли. — Она... Она настоящая. Ее Катей зовут.

— У нее в техпаспорте так записано, — покачал головой Иванов. — Вместо серийного номера. Это устройство "КМП-2011".

— Она не устройство, — побледнел рыжий. — Она девушка!

— Ты в машинку, что ли, втюрился, пацан? — не веря своим ушам, вытаращился Иванов.

— Она не... — мальчишка клоннул носом, проваливаясь в обморок.

— Эй! Эй! Смотри не умри мне тут! — забеспокоился Иванов. — Хорошо, не машинка! Красивая она...

— Красивая... — подтвердил слабо паренек. — Я по телевизору процесс этот смотрел... С олигархом... И с первого взгляда в нее... Встречал ее... С цветами... Думал, она человек... Не знал...

— У нас люди судьями не бывают, — поведал умирающему государственную тайну Иванов. — Людям такое доверять нельзя. Вдруг возьмут и сами решат что-нибудь? А нам потом — расхлебывай.

— Я когда понял, в чем дело... Ну... Сделал ей апгрейд...

Вот оно! Вот откуда таинственный модуль! Что там усопший конструктор про студента говорил?..

— Ты где учишься, сынок? — насупился Иванов.
— В Бауманке...
— А... Тогда не мудрено, что ты на манекенов кидаешься... — почесал затылок Иванов; парнишку даже уже становилось жалко.
— Я ей... Поставил один чип... Сам сделал... Хотел быть с ней... Чтобы взаимно... Ну... Чтобы она тоже меня полюбила...
— Что за чип-то? — весь подобрался Иванов.
— Ну... Душу ей... Инсталлировал...
— Ты что гонишь-то? Какая душа? Душ не бывает! — хмыкнул Иванов. Мальчишка не возражал: испустил дух.
— Даебтвоюналево, — позволил себе экспрессивное обычно сдержанный Иванов.

* * *

А ведь черт его знает, что он ей там инсталлировал! Вдруг она теперь по-английски говорит, и уже в очереди на политическое убежище стоит, пока он с ее пигмалионом ляссы точил?

Иванов выдвинулся на лестницу, уже готовый звонить Генералу и объявлять план "Перехват"...

Но она сидела пролетом ниже, обхватив колени руками и уткнувшись в них подбородком. Иванов вытянул из кобуры "Стечкин" и навинтил глушитель, чтобы лишний раз не тревожить соседей. И вместо Генерала набрал номер "скорой", которая приедет утилизировать ее корпус.

Она услышала — обернулась к нему. Иванову показалось, что в ее синюющих глазах стоят слезы, но он знал: этого быть не может. Это не глаза, а линзы...

— Последнюю сигарету можно? — слабо улынулась она.
— Курите, — осторожно разрешил Иванов.
— А у меня нет... Откуда у меня? Я же механизм, — ее голос сорвался в хрипотцу, и она кашлянула, сгоняя ее. — Я думала у вас попросить, — с каким-то неумелым подростковым кокетством добавила она.
— Не курю, — ржavo ответил Иванов.
— А я думала, такие люди, как вы, всегда курят... — рассеянно сказала она.
— Какие... Люди?
— Которые убивают других людей. Вам же надо как-то успокаиваться...
— А вам тогда зачем курить? — неожиданно для себя спросил Иванов. — На смертную казнь у нас в стране мораторий. Таких приговоров вы не выносили.

— Не выносила, — согласилась она и снова улыбнулась — не игриво, а устало.

— Так зачем?

— Никогда не пробовала, — сказала она. — Вдруг страшно захотелось. Потому что теперь когда попробовать?

Внизу коротко взвыла сирена прибывшей неотложки.

А Иванову вдруг страшно захотелось, чтобы машина ехала дольше... Может быть, час. Может быть, два?

— Ну, вы стреляйте, — сказала она. — У меня вот тут уязвимое место. Он сюда зачем-то свою штуку установил, — она приложила два пальца к левой половине груди. — Романтик несчастный...

Она и вправду была очень красива — какой-то небесной и строгой красотой, как дамы на полотнах Веласкеса, и такая же серьезная.

— Скажите... — Иванов помолчал. — Прежде чем я... Чем мне придется... Я должен спросить.

— Так значит, сигареты нет? — легонько вздохнула она.

— Я... Могу в ларек спуститься... В принципе...

— Не можете, — она пожала плечами. — Вы меня тут оставите, а я сбегу.

— Ну ведь не сбежали уже, — возразил он.

— Не сбежала, — кивнула она. — А зачем? Куда?

Иванов кивнул.

— А... Как это... Быть вами? — спросил он зачем-то.

— Странно. Прекрасно и жутко. Как бабочкой-однодневкой. Радуетесь до потери сознания — и понимаешь, что вот-вот все кончится. Потому что такого не бывает и быть так не должно. Потому что не позволят. И еще одиноко очень.

Неотложка снизу нетерпеливо и капризно забибикала. Кто-то вошел в подъезд, лязгнула стальная дверь.

— Вы хотели что-то спросить, — напомнила она. — Вы спрашивайте, а то времени, наверно, совсем мало осталось...

— Да, — одернул себя Иванов. — Да. Вы... Зачем вы его оправдали?

Она посмотрела на него долго, потом отвернулась.

— Вы не поймете.

— Пойму, — он убрал пистолет в кобуру.

— Мне мать его крикнула однажды, что у меня души нет. Что я чертова машинка.

— Она не могла знать, — вскинулся Иванов. — Исключено! Это гостайна.

— Какая разница? — она зацепила его своими синими глазами. —

Просто... Мне стало вдруг так обидно. Что-то шевельнулось во мне. Захотелось ей доказать — ей и всему миру, что у меня есть душа, есть...

— Душ не существует, — механически возразил Иванов.

— Мне вас так жалко... — она прильнула своим виском цвета слоновой кости к вымазанной дерьмом стене.

Снизу загрохотали берцы.

— Вон она сидит! Стреляй!

Захлопал глушитель — будто пыль из ковра выбивали; Иванов выхватил свой "Стечкин" и два раза выстрелил в ответ. Снизу замолчали.

— Зачем вы это сделали? — спросила она тихо.

— Не знаю, — честно ответил Иванов. — Не понимаю.

— Вас накажут теперь.

— Послушайте... Катя, — хрипло проговорил Иванов. — Я все устрою. Мы... удалим просто вам эту чертову насадку. И все. И вы вернетесь к работе. И будете... жить. Давайте? Я устрою... И мне не придется вас сейчас убивать. Пожалуйста.

— А зачем?

— Неужели вам жить не хочется?

— Жить хочется, — откликнулась она угасающим эхом.

* * *

— Что значит "под его страх и риск"?! — орал Сисадмин, силясь вырваться из тесного окошка скайпа. — Кто он такой, чтобы брать на себя этот риск? Кто *ты* такой?!

— Я... Мы... Он лучший сотрудник. Я должен ему верить... Он обещал... — Генерал то бледнел, чувствуя, что карьера вот-вот пойдет под откос, как подорванный партизанами немецкий бронепоезд, то краснел оттого, что ему приходится выслушивать такое от шпака с черным от пиара прошлым.

— Вся наша судебная система! Вся! Держится на этих гребаных механизмах! Ты понимаешь?! Да если они будут сами принимать решения! Выносить приговоры! Исходя из уголовного кодекса! Ты представляешь, что со страной будет?! Что с Родиной будет, ты представляешь, паскуда?!

— Да. Нет. То есть да...

— Крах! Всему кранты! И мне, и тебе! Судный день настанет! У нас, сука, страна не на праве держится, не на судах, блядь, а на круговой поручке! Ты нашему исконному государственному устройству очко раздраконить хочешь? Порви, где тонко, — все покатится!

— Я... Он... Он говорит, что все будет хорошо. Что она теперь под контролем. Что приговор будет как надо.

— Смотри у меня, полковник... — Сисадмин смерил Генерала ледяным взглядом и отключился.

— Это ты у меня смотри. Сучонок, — неуверенно пробормотал Генерал и полез в стол за валокордином.

* * *

В тесном зале Басманного суда народу было как в теплушке, уходящей на Колыму. Журналисты сидели друг у друга на головах. Прокурорские выглядели бледновато, люди в черном нервно переглядывались.

Судья — строгая, серьезная, синеглазая — открыла папку.

Опальный олигарх, на сей раз взятый с поличным и обернутый на всякий случай в смирительную рубашку, смотрел на судью с надеждой.

Генерал перекрестился. Иванов глядел на судью неотрывно, стараясь перехватить ее взор — и ободряюще ей улыбнуться. Но судья смотрела в дело.

— Виновен. За переход улицы в неполюженном месте обвиняемый приговаривается к...

В душной тишине зала послышалось пиликание тонального набора. Иванов узнал кнопки прямо на слух: звездочка — восемь — решетка.

— К восьми годам заключения в колонии общего режима, — ровно произнесла судья.

Опальный олигарх сиротливо всхлипнул.

Генерал махнул коньяку из фляжечки.

* * *

— Ты молодец! Ты просто молодчина, Катя!

Иванов открыл *Veuve Clicquot* и разлил пенящееся шампанское по фужерам.

На столе стоял аккуратно порезанный на двенадцать частей торт и букет красных роз. Висящий в углу плоский Sony показывал крупно печальную физиономию опального олигарха, пришибленных правозащитников и разворошенный журналистский улей.

— Я тобой горжусь! — любуясь экранной Катей, сообщил Кате присутствующей Иванов. — Знаешь даже что...

Катя молчала, внимательно глядя на него.

— Я не решался тебе сказать... Я этого вообще с шестнадцати не говорил никому... Я тебя... Люблю...

Катя не произнесла ни слова, но в блеске ее глаз Иванову чудилась взаимность.

— А ты меня? Тоже? А давай выпьем, а? А то что-то все говорим, говорим... — засуетился он.

Опрокинул фужер, подскочил к Кате, попытался вложить ножку бокала ей в деревянные пальцы — не смог. Поднес шампанское к ее губам, чуть смочил их, и тут у Кати неожиданно отвалилась челюсть. Шампанское расплескалось.

— Это ничего. Ничего... — захихикал Иванов. — Я и сам уже натрескался...

У нее закатились глаза. Жутковато так закатились.

— Устала, да? — не испугался Иванов. — Пойдем, может, ляжем уже? Только... Надеюсь, ты не так сильно устала, чтобы... Ну... Я подумал... Столько нервов сегодня было... Может, так сказать, выпустим пар? Хехе...

Москва

